

Первичные рефлексии о Французской революции 1789 г. в российской политической культуре начала 1790-х гг.

Владислав Сергеевич Ившин,

аспирант 1-го года обучения

Уральский гуманитарный институт

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,

Екатеринбург, Россия

v.s.ivshin96@gmail.com

Аннотация. Реконструируются коммуникативные контексты, риторические и жанровые особенности первичных российских рефлексий о Французской революции 1789 г. Делается вывод, что особую актуальность получили жанры жития и панегириков, обладавшие «гибкими» риторическими стратегиями рефлексии о революции.

Ключевые слова: Французская революция, история понятий, политическая культура, российская монархия, политическая риторика

Primary Reflections on the French Revolution of 1789 in Russian Political Culture in the Early 1790-s

Vladislav S. Ivshin,

Postgraduate Student of the 1st year

Ural Institute for Humanities

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

v.s.ivshin96@gmail.com

Abstract. The paper reconstructs communicative contexts and rhetorical and genre peculiarities of primary Russian reflexions on the French Revolution of 1789. The author concludes that the genres of hagiography and panegyrics were especially relevant as they had “flexible” rhetorical strategies of reflexion on the Revolution.

Keywords: French Revolution, history of concepts, political culture, Russian monarchy, political rhetoric

Общая историографическая тенденция XX в. в тематике первичных рефлексий о Французской революции 1789 г. фокусировалась вокруг фиксации фактов подобных рефлексий среди российских образованных подданных [1, с. 47; 2, с. 9; 4, с. 289–313]. Несмотря на доказательную ревизию этой тематики, проведенную А.В. Чудиновым, подобная тенденция все еще доминирует в современной историографии [3, с. 10–11]. Целью настоящего исследования является анализ коммуникативных контекстов, риторических и жанровых особенностей рефлексий о Французской революции 1789 г. в российской политической культуре 1789–1793 гг.

Основными информационными каналами сведений о революции для образованных российских подданных выступали иностранные и отечественные еженедельные новостные издания, к примеру «Санкт-Петербургские» и «Московские» ведомости, сообщавшие в основном фактический материал [1, с. 60; 4, с. 289]. Публикации в вестниках, посвященные описанию последствий революции, сопровождались обширными суждениями, наделявшими понятие «революции» модусами морально-нравственного толка [5, с. 146]. Однако в начале 1790-х гг. тематика Французской революции попала в поле зрения российских цензоров [см.: 1, с. 140, 157–158]. Цензурная ситуация создала необходимость описания революции через близкие, на наш взгляд, понятия российской политической культуре: «смута», «бунт», «мятеж» и др. Эти категории позволяли описывать «революцию» как краткосрочный конфликт монарха и подданных.

Цензурная политика Российской империи в отношении французских событий актуализировала уже адаптированные жанры, прежде всего жизнеописания, посвященные Людовику XVI и имевшие ярко выраженный апологетико-биографический характер [6; 7], а также панегирики, обладавшие устоявшимся языком образности, художественности, аллегоричности и метафоричности [8, с. 7, 19–20]. Отсюда две тенденции, характерные для жанровой составляющей первичных рефлексий о революцию среди образованных российских подданных. Для жизнеописаний, посвященных революции, характерна христианская риторика о монарших добродетелях, сопровождающаяся экземплификацией образа царя-мученика Людовика XVI [6, с. 84–85; 7, с. 115]. Для панегирического жанра также особую роль играли

библейская риторика в описании казни Людовика XVI, противопоставления «царства безверия» (Франции) «спасительному царству» (Российской империи), находящемуся под властью «добродетельного христианского монарха» [8, с. 9].

Таким образом, коммуникативная сфера российских рефлексий о Французской революции в условиях цензурной политики Российской империи начала 1790-х гг., проходила в уже устоявшихся к этому времени жанрах политической речи, прежде всего христианских жизнеописаниях и панегириках. Эти жанры отнюдь не являлись анахронизмом времени, а, напротив, демонстрировали гибкость и адаптивность под меняющуюся современную политическую повестку начала 1790-х гг.

Список источников

1. *Штранге М. М.* Русское общество и французская революция 1789–1794 гг. М. : Изд-во АН СССР, 1956. 203 с.

2. *Гудзий Н. К.* Французская буржуазная революция и русская литература. М. : Изд-во МГУ, 1944. 125 с.

3. *Чудинов А. В.* Французская революция: история и мифы. М. : Наука, 2007. 310 с.

4. *Лимонов Ю. А.* Русские газеты и Великая французская революция // Великая Французская революция и Россия. М. : Наука, 1989. С. 289–313.

5. *Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск : Энциклопедия, 2011. 454 с.

6. Разговор в царстве мертвых, несчастного Людовика XVI с императором Леопольдом II и Густавом III королем шведским / пер. с нем. И. С. Водопьянов. М. : Тип. А. Решетникова, 1793. 132 с.

7. Достопамятные деяния и свойства души Людовика XVIII, короля французского. СПб. : Тип. Шнора, 1793. Ч. 1. 115 с.

8. *Сохацкий П. А.* Слово о главной цели воспитания; на всерадостный день восшествия на всероссийский престол ее императорского величества, всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Екатерины Второй, самодержице всероссийской. М. : Тип. В. Окоркова, 1793. С. 3–20.